

Феномен русской власти

С.С. Сулакишин, доктор физико-математических наук; доктор политических наук

Хочу поблагодарить докладчика за чрезвычайно интересный, энергичный и в некоторых отношениях провоцирующий доклад. Центральной идеей, предложенной докладчиком, является тезис о том, что существует феномен русской власти. Есть ли в этом контексте феномен японской власти, китайской власти, власти американской или какой-либо из европейских стран? Стоит ответить на этот вопрос положительно. Само использование термина «власть», от операционализации которого докладчик все-таки ушел, сославшись на метафизичность, сложность и полифункциональность явления, все-таки требует разложения, для того чтобы попытаться понять обоснованность центральной идеи, ее императивную генерационную способность, потенциал, прогностический потенциал, некие практические исходы, которые всех нас всегда, бесспорно, волнуют при оценке того или иного полученного научного знания. Конечно, власть — это некий конгломерат институтов, и людей, и органов, и функций, и механизмов, и коммуникаций. Конечно, власть неотрывна от среды. Имеется в виду общество, которым она окружена и которое она возглавляет, руководит им. В этом смысле, о чем говорили участники дискуссии, власть невозможно рассматривать в отрыве от общества, с которым она коммуницирует. На этом пути начинаешь понимать, что особенно симпатична заявленная позиция атеиста, но и она, тем не менее, апеллирует к метафизичности важнейшего понятия. Метафизичность, на

мой взгляд, возникает там и тогда, когда явление на некотором этапе или при некотором подходе выглядит убедительно существующим на сенситивном, интуитивном уровне отражения действительности. Но не познается на логическом уровне, уровне абстрактного, модельного разложения представления. В этом нет ничего страшного, потому что слишком много вещей имеется в окружающем нас мире, которые мы пока еще не в состоянии на наших абстрактных научных языках познания детально описать, разложить, представить внутреннюю структуру и т. п. Но сам факт существования явления кажется бесспорным. Так вот, в этой самой власти настолько много тонких нюансов — ментальных, поведенческих, связанных с традициями этого сообщества с его историческим генезисом, социально-культурными особенностями, сложившимися на этой территории, — что начинаешь понимать: идея русской власти, само существование которой я поддерживаю, производна от явления русской или российской цивилизации. Эта вещь в истории инвариантная, во всяком случае, в обозримой метаистории, как в прошлом, так и в будущем. Это вещь устойчивая, самовоспроизводящаяся, вещь, в которой есть прозрачно объяснимые механизмы, есть то, что называется «национальный характер». Ельцин — типичный представитель русского национального характера. Если посмотреть по ряду выдающихся, знаковых фигур, можно найти этот цивилизационный код. Это вещь, которая не подлежит таким сиюминутным, текущим, генно-инженерным политическим воздействиям. Попытки последних 20 лет натянуть самые выдающиеся типы государственной власти в виде демократии, лучше которой никто ничего не придумал, на российскую действительность очень быстро обернулись — чем? Формально — да, институты, но по сути — суррогаты и прямые противоположности. Вот этот мостик, который, собственно говоря, докладчик выстроил, хотя прямо о нем не говорил, — глубинные, исторические обстоятельства, которые формировали и характер общества,

народа (каждый народ достоин иметь то правительство и наоборот), и характер лидеров, которые из этой среды выделяются, и характер их отношений. Мне кажется, что очень интересной и плодотворной является мысль о генезисе, связанном с формированием русской государственности, взаимоотношениях местных властей и ордынских властей. Для меня эта мысль кажется новой, но очень глубокой, потому что она уникальна по отношению ко всем другим географо-историческим ареалам, где такого явления не было. Соответственно, и результат, продукт — тип власти, характер власти, особенности власти — получились другими.

Есть некоторые моменты, с которыми соглашаться не хочется, не только в отношении тезисов докладчика, но и в отношении предыдущих дискуссионных выступлений. На мой взгляд, А.И. Соловьев не усмотрел сквозную историческую траекторию, на которую органически нанизывались генезисные явления, продолжающиеся и сегодня. Как мне кажется — и здесь я поддерживаю докладчика, — можно прогнозировать их продолжение завтра и послезавтра. Существует становой хребет эволюции, непротиворечиво объединяющий множество примеров. А.А. Галкин прав в том, что приведение примеров никогда не может выступать как способ доказательства, но докладчик в этом случае и не использовал исторические примеры как способ доказательства. Набор феноменологически значимых позиций в итоге объединен в обобщенную модель, модель, которая непротиворечива в историческом прошлом, непротиворечива сегодня и будет работоспособна завтра. Но если с этой точки зрения исходить, то не могу поддержать докладчика в оценке текущей власти, текущих лидеров. В ответах на вопросы автор обозначил, что и Путин, и Медведев в их властном воплощении — не в личностном, не в персональном, а в функциональном — это внесистемное явление, это представители привнесенного, навязываемого типа властвования в государстве-корпорации. На мой взгляд, это не совсем так. Почему? Потому что,

если Путин в первый раз еще избирался некоторым образом легитимно, то чем дальше, тем в большей степени уровень легитимности своего положения, институтов власти, которыми он оперировал, он снижал. Фактически выведен из работоспособного, *системно* легитимного состояния Совет Федерации. Если он был предназначен играть роль сдержек и противовесов со стороны регионов, то эту роль он прекратил играть. Госдума — как горизонтальный институт сдержек и противовесов в этой системе. Она суррогатизирована и перестала играть свою роль. Больше того, (удивительно, но это обстоятельства сегодняшнего дня), Путин дошел методом последовательного перебора в этой своей логике позиционирования *над* законом, над легитимностью, над соответствующими институтами до уничтожения института и президентства. Последние социологические опросы показывают, что население все меньше начинает ощущать президентство, президентскую роль как первоисточник власти и первую позицию. Человек последовательно, системно, убежденно уничтожает легитимизацию власти в России применительно к самому себе.

У меня есть интересное личное наблюдение, которое мне было доступно в силу особенности биографии. В первые мои минуты в большой власти, когда я был избран народным депутатом СССР, мне преподнесли такой урок. Надо было из Томска лететь в Москву. Предстояло оформлять командировку, писать какие-то расписки в получении денег, командировочных и т. п. Председатель Томского облисполкома на мой вопрос: «А куда я должен обратиться?», посмотрев на меня круглыми глазами, сказал: «Да бросьте Вы все это, идите к моему помощнику, он Вам даст денег». Я ему говорю: «А как же финансовая дисциплина?». Ответ был абсолютно блестящим: «Ну, мы же *власть!*».

Власть над законом, власть выше закона — это инвариантный, неотъемлемый признак российской власти. В этом смысле и Путин, и Медведев неотъемлемы от данного ряда.

Фальсификации при избрании президента, даже по нашим небольшим выборочным данным, составляли до 100%. Относительно итогового результата — в два раза! Народ тоже не упустил момент и придумал такой анекдот. Мама звонит Медведеву на утро после выборов и говорит: «Димочка, я так волновалась, переживала — выберут или не выберут». В ответ она услышала: «Мама, хоть Вы не издевайтесь надо мной». В этом смысле история продолжается. Очень логична и грамотная модель, которую докладчик доложил. Само появление Медведева — это клонирование, это та самая автосубъектность в очень специфическом воплощении. Совершенно ясно, что Путин мог клонировать себя в любой другой персоне, она была бы избрана ровно с такими же процентами, уровень которых определялся в ЦИКе в ночь перед голосованием. Там решали, сколько дать тому или иному кандидату. Он клонировал себя по принципу одного роста, одной стати, но существенно меньшей харизматичности, меньшей потенциальности и т. п. Это абсолютно вневластная, внесистемная и автосубъектная история. В этом смысле докладчик, может быть, использует часть своих доводов для того, чтобы усилить свою позицию, а моя задача как раз была поддержать и усилить эту позицию, потому что она мне кажется очень убедительной и очень генерационной в отношении прогнозирования будущего. А будущее действительно очень печально, потому что погружение в эту нелегитимную ситуацию рано или поздно приведет к слому системы. По нашим прогнозам, 2017 г. — магический год, и это прозвучало в докладе. Мы подойдем к некоей точке поворота, после которого наступит политическое безвременье, а потом начнется возрастание напряжения, которое вновь закончится плохо для России. Вот это восхождение от революции к революции через разрушение — тоже один из имманентных, инвариантных признаков русской власти, доказывающий, что это явление имеет место, оно идентифицируется.